

Современные прочтения «Defensor pacis» Марсилия Падуанского

Миронова Дагмар Вали Герта – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: dagmar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разным подходам к политической философии средневекового философа Марсилия Падуанского (ок. 1285/1290–1343), изложенной в его главном произведении «Defensor pacis» («Защитник мира»). Рассматриваются его основные идеи о возникновении общества, формах правления, роли светского и религиозного закона в жизни общества, об отношениях между церковью и государством. Показывается значение его мысли для современной политической философии, исходя из разных вариантов прочтения его мысли – от ереси, через выпадающее из своего времени произведение с современными, либеральными идеями, до представления о Марсилие Падуанском как типичном представителе средневековой схоластики. В статье также раскрывается прочтение творчества мыслителя в фундаментальном историко-философском исследовании Ю. Хабермаса «Auch eine Geschichte der Philosophie», в котором акценты интерпретации расставлены по-новому.

Ключевые слова: Марсилие Падуанский, «Defensor pacis», закон, государство, разделение властей, церковь, граждане, Ю. Хабермас

Для цитирования: Миронова Д.В.Г. Современные прочтения «Defensor pacis» Марсилия Падуанского // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 90–108.

В философии позднего Средневековья много примечательных мыслителей. Не последнее место среди них занимает Марсилий Падуанский (1285/1290–1343), масштаб мышления которого ничуть не уступает его современникам, хотя он, говоря современным языком, был менее «раскручен», чем, например, Фома Аквинский или Уильям Оккам. В России его работы не так популярны, как на Западе, где его считают классиком политической философии. Самое значимое произведение Марсилия – «Defensor pacis» («Защитник мира») – вышло в свет в 1324 г. Марсилий посвятил его Людовику IV Баварскому, императору Священной Римской империи. Пожалуй, редкая работа в истории философии вызывала такое количество разных прочтений: ее считали и ересью (с 1559 г. книга значилась в Индексе запрещенных книг католической церкви), и традиционным схоластическим трудом, а также современным либеральным конструктом, первой теорией современного буржуазного государства и т.д.

Настоящая статья, конечно, не претендует на статус текстологического анализа «Защитника мира», а посвящена его современным прочтениям. Поэтому мы не так подробно рассматриваем сам труд, а касаемся лишь тех моментов, которые важны для оценки разных подходов к творчеству средневекового мыслителя. Мы лишь вкратце обратимся к его концепции – в той мере, в которой это необходимо для понимания различных восприятий «Defensor pacis».

Текст Марсилия состоит из трех частей, которые сам автор описывает так:

В первой части я определенными методами докажу мои тезисы, обнаруженные человеческим умом, очевидные для любого не испорченного ни природой, ни пагубной страстью разума. Во второй части <...> я буду подтверждать и доказывать все то, что я вывел при помощи обоснованных вечною свидетельств Истины <...>. На такой основе я опровергну неверные мнения, противопоставленные моим заключениям, и разоблачу софизм противников <...>. В третьей части я предоставляю заключения и весьма полезные наставления, которые должны соблюдаться всеми людьми <...>, у этих заключений будет

очевидная обосновательность, извлеченная из предшествующих доказательств¹.

Марсилиий начинает с размышления о том, что мир и спокойствие в государстве являются наилучшими для человека, т.е. общим благом, а раздор выступает его противоположностью. Только при наличии мира народы могут процветать и развиваться. Раздор, разногласия, смута для государства то же самое, что болезнь для человека. Впрочем, уже Аристотель описал в «Политике» (Марсилиий называет ее иногда «Гражданской наукой») почти все причины раздора, кроме одной, еще не существовавшей в его время. Речь идет о скрытой причине, уникальной и «чрезвычайно заразной», поскольку «она до сих пор коварно закрадывается во все гражданские общества и королевства»²: о притязаниях духовенства во главе с Папой Римским на светскую власть и привилегированное положение в обществе. Согласно Марсилию, если эта болезнь распространяется, она погубит любую страну. Именно поэтому вопрос о католической церкви и роли духовенства, о церковной собственности на фоне спора об евангельском идеале бедности занимает в творчестве Марсилиия значительное место. Хотя эта тема крайне интересна, мы затронем ее лишь вскользь, сосредоточившись на учении Марсилиия о государстве, власти и роли законов, так как именно они подвергались весьма различным интерпретациям.

Образ организма, его здоровья или болезни часто встречается в произведениях Марсилиия. С одной стороны, это связано с тем, что он отталкивается от философии Аристотеля, у которого мы также часто встречаем сравнение общественных явлений с процессами в живом организме. С другой стороны, Марсилиий был врачом и такое рассмотрение разных общественных явлений через образ организма ему было близко. Он полагает, что для понимания природы государства, которое он отождествляет с живым существом, требуется обратиться к истории его возникновения, к тем формам, которые предшествовали

¹ *Марсилиий Падуанский*. Защитник мира. *Defensor pacis*. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2016. С. 71.

² Там же. С. 67.

созданию государственных образований. Вообще, по той же аналогии, «мир является хорошим механизмом государства, в котором каждая из его частей способна великолепно образом выполнить задачи, свойственные ей, согласно ее смыслу и функциям»⁵. Природа всегда идет от менее совершенного к более совершенному, а человеческое творчество, подражая ей, идет тем же путем. Так, сначала существовала семейная пара людей, путем размножения возникла семья с домашним хозяйством, затем деревня, а после – государственное образование. Этот процесс развития в первую очередь связан с удовлетворением биологических, а не социальных потребностей. В отличие от Аристотеля, Марсилий рассматривает человека как существо в первую очередь индивидуалистическое, а не социальное или политическое. С его точки зрения, государство изначально возникло для простого сохранения жизни, а затем стало служить другой цели – обеспечению хорошей жизни, удовлетворительной для отдельного индивида.

Примечательно, что, в отличие от большинства авторов того времени, вопрос о воспитании добродетелей у граждан Марсилий не ставит. В ходе развития, после появления деревень, потребовались общие правила, некоторый правопорядок, обязательный и понятный для всех. На предыдущем, так сказать семейном, этапе еще не было такой необходимости: глава семейства мог благодаря своему авторитету и власти устранить возникающие конфликты. В процессе развития началось разделение труда – а разделение труда всегда признак более высокой культуры, – и возникли сословия, ставшие составными частями государственного устройства. Отношения между ними строятся по определенному принципу: необходимость пяти сословий – крестьян, ремесленников, воинов, купцов, советников-правителей очевидна, а шестое сословие – духовенство – является исключением, так как его необходимость и не очевидна, и не доказуема логически. В рамках христианства его задача должна ограничиваться обучением постулатам веры, спасением души, религиозными и моральными нормами. Здесь Марсилий уже

⁵ *Марсилий Падуанский*. Защитник мира. *Defensor pacis*. С. 74.

проводит четкое разграничение сфер власти – светской и церковной.

Марсилий идет вслед за Аристотелем, выделяя три правильные и три неправильные формы государства. Однако, в отличие от Аристотеля, он не принимает решения относительно наиболее предпочтительной формы государства, его интересует другая проблема: как должно быть устроено правительство, чтобы принести максимальную пользу для общества. С этой целью он анализирует монархию. Аристотель указал, что правительство является совершенным в той мере, в которой оно олицетворяет волю подданных и правит по закону, нацеленному на всеобщее благо. Согласно Марсилию, именно согласие управляемых является решающим фактором, а монарх может быть наследным или выборным. Однако в случае выбора монарха вероятность добровольного подчинения выше, как и вероятность того, что он будет править в интересах населения, которое его выбрало в качестве правителя. Выборная монархия лучше и тем, что всегда будут люди, претендующие на место правителя или способные его занимать, а лучшего из них выберут. К тому же при наследственной монархии наследника может и не быть, и тогда также придется перейти к выборной форме.

Большое внимание Марсилий уделяет комплексу законов и законодательства. Отмечая, что слово «закон» имеет несколько значений, он указывает на его принудительную силу в рамках государственного устройства и подчеркивает, что «<...> под законом понимаются правила справедливого и полезного в городе-государстве, выражением которых являются традиции, обычаи, всенародные постановления и любые подобные правила обязательного характера, установленные властью»⁴. Закон выполняет двойную задачу в государстве: он должен служить справедливости и общему благу, а также обеспечить «надежную безопасность» и постоянство правления. Ни один правитель не должен править без законов. Кроме того, все правосудие должно быть основано на законе. Судьи и правители – люди, а значит, ими могут править эмоции: «Сам же закон лишен

⁴ *Марсилий Падуа́нский*. Защитник мира. *Defensor pacis*. С. 111.

подобных чувств: он не был создан, чтобы быть выгодным для друга и вредоносным для врага, он одинаков для всех, для любого гражданина, кем бы он ни был <...>⁵. Закон основан на человеческом авторитете, а не на божественном. Следовательно, он может быть улучшен в результате накопления коллективного опыта и знаний. Опыт и знания многих людей всегда более полны, чем опыт и знания отдельного человека, так как основаны на накопленных знаниях поколений. Поэтому не стоит доверять законотворческий и законодательный процесс отдельному человеку. И даже если удастся найти безупречного во всех отношениях правителя, обладающего знаниями и свободного от предрассудков, нет никакой гарантии, что его преемник будет таким же. А в случае появления неидеального преемника встает вопрос о постоянстве правления.

Так кому же в таком случае доверить принятие законов, в чьих руках должна находиться законодательная власть? По мнению Марсилия, законодателем может быть только народ, т.е. совокупность граждан или их преобладающая часть:

<...> я называю гражданином того, кто участвует в управлении гражданским обществом, участвует в юридических делах или судебном разбирательстве по своему положению. Это определение исключает из числа граждан детей, рабов, иностранцев и женщин, но исключает по-разному. Ведь дети граждан – это граждане в будущем; только возраст является их временным недостатком. Что касается преобладающей части всех граждан, мы должны понимать ее в соответствии с уважаемыми обычаями политических сообществ или взглядами Аристотеля <...>⁶.

Согласно приведенным доводам законы должен принимать тот, у кого могут получиться лучшие законы. Если в законодательном процессе участвует большое количество людей, им проще обнаружить недочеты или односторонние искажения в пользу интересов каких-либо групп. Законы будут соблюдаться более четко, если граждане уверены, что они приняли их для самих себя. Поскольку целью государства является обеспечение

⁵ *Марсилий Падуанский*. Защитник мира. *Defensor pacis*. С. 112.

⁶ Там же. С. 124–125.

всеобщего блага, граждане имеют право участвовать в принятии решений, которые их касаются. Впрочем, необязательно, чтобы народ сам принимал законы: он также может назначить некоторый орган, который будет заниматься законодательством. Однако его полномочия должны быть ограничены во времени, а также по предметам законодательства. Его предложения должны проходить через народное голосование. То же самое касается дополнений и изменений в законах.

Марсилий прекрасно понимал, что такую точку зрения примут немногие, и предвидел возможные возражения против идеи о законодателях-гражданах: большинство людей злы, неразумны и невежественны. Многие не могут, по разным причинам, внести разумный вклад в законодательный процесс. Вместе с тем, они могут оценивать законопроекты, наподобие того, как не только художник, ремесленный мастер или архитектор может оценить свое произведение. Маловероятно, чтобы все люди пришли к общему мнению, однако «ничто не должно мешать установлению всеобщего блага, и никто не должен пренебрегать им по причине своего неразумного протеста и оппозиции. Поэтому только совокупности граждан или ее преобладающей части принадлежит право устанавливать и издавать законы»⁷.

Ссылаясь на учение Аристотеля о том, что все вещи состоят из материи и формы, Марсилий делает вывод: именно граждане создают форму (закон) и потому должны создать и материю («правлящую часть города»), иными словами – исполнительную власть. Именно она определяет структуру государственного устройства и принадлежность граждан к различным сословиям. Исполнительная власть – это сердце сообщества, без его четкого функционирования и разграничения полномочий оно оказывается под угрозой. У правителя должно быть определенное количество вооруженных людей для поддержания порядка, хотя их число должен определить законодатель. Удивительным для времени написания данной работы является утверждение Марсилия о том, что народное собрание имеет право во имя всеобщего блага порицать или даже смещать правителя.

⁷ *Марсилий Падуа́нский*. Защитник мира. *Defensor pacis*. С. 125.

Согласно мысли Марсилия, законодатель обязан заботиться не только о правовом устройстве общества, но и о его социальной структуре и нужных профессиях:

<...> законодатель в качестве действующей первопричины должен определить обязанности и должности в государстве, а правитель должен решать, кто из людей будет их занимать в соответствии со своими обязанностями. Исполнение конкретных дел осуществляется правителем всегда лучше, чем всей массой граждан⁸.

Отметим, что правосудие у Марсилия не отделено от исполнительной власти. По сути, принцип разделения властей в своем современном варианте с тремя ветвями власти возникает только в XVII столетии, у Ш. Монтескье. Даже Дж. Локк, которого считают основателем современной концепции разделения властей, не рассматривает правосудие как отдельную ветвь власти. Внутри государства необходимо обеспечить наличие только одного центра власти: конкуренция различных властных структур ставит под угрозу внутренний мир в государстве. Поэтому и церковь, и особенно папство, не должны вмешиваться в светские дела или дублировать государственное устройство.

Именно этот раздел концепции Марсилия особо выделяет большинство современных интерпретаторов. То, что Марсилий подчеркивает роль граждан в принятии политических решений, роль выборной монархии, закона, т.е. народный суверенитет, а также светский характер государства, считается новым, прогрессивным словом в политической философии. Достаточно распространено мнение, что Марсилий, основываясь на традиционных источниках, объединил разные идеи, до того разрозненные, в единое целое и сделал из них принципиально новые выводы. Эта точка зрения становится популярной особенно во второй половине XX в., в частности благодаря работам А. Гевирта⁹. Последний отмечает, что, в отличие от современников,

⁸ *Марсилий Падуанский*. Защитник мира. *Defensor pacis*. С. 149.

⁹ *Gewirth A. Marsilius of Padua: the Defender of Peace*. Vol. 1: *Marsilius of Padua and the Medieval Political Philosophy*. New York: Columbia University Press, 1951. 342 p.

Марсилий не оперирует абсолютными ценностями, а придает им политическую значимость лишь постольку, поскольку они служат интересам и целям людей, в первую очередь – достойной жизни. Поэтому он и не обосновывает господство с помощью теологических и метафизических аргументов. Решающей для Марсилия является воля народа, следовательно, не может быть конфликта между решением большинства и моральными или религиозными ценностями.

В этой связи следует отметить еще одну особенность концепции Марсилия, а именно его стремление отделить философию от теологии. По его мнению, философия решает определенные жизненные вопросы людей, в том числе изучение необходимых условий земной жизни и определение важных предпосылок хорошей жизни. Таким образом, философия отвечает за научно обоснованное решение конкретных вопросов жизни людей, а теология, в отличие от этого, решает вопросы веры во имя спасение души человека. По мнению П. Килмансегга, заслуга Марсилия заключается в том, что он довел до конца «эмансипацию разума»; более того, его можно считать первым среди мыслителей эпохи Средневековья, кто «набросал полную модель организации человеческого общежития не как интерпретацию заданного порядка, а как систематическую конструкцию человеческого ума»¹⁰.

Но вернемся к идеям политической философии в «*Defensor pacis*». Вторая часть «Защитника мира», самая большая по объему, посвящена соотношению церкви, духовенства и светской власти. Подробно осветив аргументацию своих противников, Марсилий, преимущественно со ссылками на Новый Завет, отстаивает свою точку зрения: у духовенства не может быть особого статуса в обществе, оно не вправе принимать судебные решения, так что все правосудие должно осуществляться по светским, а не по божественным законам. Грешников судят не на Земле, а в потустороннем мире. В этой части несколько глав посвящены уже упомянутому спору о евангельской бедности, весьма актуальному во время написания «*Defensor pacis*».

¹⁰ Kielmansegg P. Volkssouveränität. Eine Untersuchung der Bedingungen demokratischer Legitimität. Stuttgart: Klett, 1977. S. 59, 61.

Здесь Марсилиий занимает радикальную позицию ордена францисканцев, и, как отмечает Ю. Хабермас, его взгляды во многом совпадают с мнением Оккама. Принципиальное отличие между ними заключается в том, что «Оккам понимает церковь как любое политическое сообщество, как корпоративно конституированное общество граждан, тогда как, по Марсилию, противоположность секулярной власти и церкви именно в том, что ей недостает элемента, отличающего политическое господство»¹¹. У церкви изначально нет юридической обязательной власти издавать приказы и конституции, основанной на собственном праве. Поэтому церковь должна быть полностью интегрирована в государство и его правовую систему, не должно быть никаких исключений или дополнительных прав для духовенства.

В этой связи для Марсилия возникает и вопрос о внутрицерковной организации. По его мнению, структура церкви должна быть такова, чтобы все важные решения принимались сообществом верующих. Они могут отобрать священников, которые помимо своего первичного предназначения («совершать церковные таинства: освящать, произнося определенные слова, давая вкушать хлеб и вино как священную плоть и кровь Христа», «оставлять или отпускать людям их грехи»¹²) исполнили бы и другие задачи внутри организации церкви. Назначение на церковные должности осуществляться либо общим собранием всех верующих, либо некоторым органом, избранным верующими. Однако это право они могут передать и в руки монарха. Здесь проглядывается явная параллель с назначением правительства в государстве. От назначения на должность священник не становится более «весомым» в религиозном смысле: все священники одинаковы по своей религиозной значимости. Эта идея у Марсилия связывается с ранним христианством, как, впрочем, и идея о бедности как евангельском идеале. Таким образом, главная власть в церкви должна принадлежать всеобщему Собору христиан.

¹¹ *Habermas J.* Auch eine Geschichte der Philosophie. Bd. 1. Berlin: Suhrkamp, 2019. S. 865.

¹² *Марсилиий Падуанский.* Защитник мира. *Defensor pacis.* С. 398.

Когда мы говорим о прочтениях труда Марсилия, мы замечаем очень широкий разброс различных мнений и трактовок, причем, как мы уже отметили, в XX в. интерес к его идеям растет. Отчасти это связано с одной из центральных проблем политической философии прошлого века – дискуссией о тоталитаризме. На первый взгляд это кажется парадоксальным: средневековый схоласт и феномен XX в. Тем не менее в дискуссиях об идейных истоках тоталитаризма обращали внимание и на творчество Марсилия, трактуя его как борьбу с «тоталитаризмом» папского режима (Гевирт) либо, напротив, как проявление тоталитарной философии государства (Кёлмель)¹⁵. Впрочем, в курсах по истории средневековой философии ему до сих пор уделяют мало места. При оценке его творчества мы можем выделить два лагеря. Одни полагают, что он во многом опередил свое время: они говорят о правовом позитивизме, первой теории разделения властей, обосновании принципа суверенитета народа или либеральном проекте переустройства государства и общества. Другая группа исследователей – среди них много историков – считает его типичным представителем своего времени, который в духе популярной тогда интерпретации Аристотеля развивал мысли, не шедшие вразрез со средневековыми и схоластическими традициями. Они доказывают, прежде всего, что при оценке его творчества мы исходим из современных понятий и ценностей, которых в таком виде у него не было. Иными словами, мы искажаем его мысли, вырывая их из того исторического контекста, в котором они возникли.

Исследователи приводят разного рода исторические примеры использования концепции Марсилия, в частности во время Реформации. Правда, неизвестно, был ли знаком с ней сам М. Лютер, так как он нигде не цитирует Марсилия. Говорят и о аналогии с «культуркампф» Бисмарка. Питирим Сорокин, в свою очередь, полагает, что Марсилиус предвосхитил теорию

¹⁵ *Gewirth A. Marsilius of Padua: the Defender of Peace. Vol. 1: Marsilius of Padua and the Medieval Politic Philosophy. P. 304–313; Kölmel W. Regimen Christianum; Weg und Ergebnisse des Gewaltenverhältnisses und des Gewaltenverständnisses (8. bis 14. Jahrhundert). Berlin: De Gruyter, 1970. S. 521.*

идеологии К. Маркса и что средневековый мыслитель высказал свои мысли более четко: «Хорошим примером служит “Defensor Pacis” Марсилия Падуанского, в котором мы находим вполне “материалистическую” интерпретацию роли религии и несоответствия между объективной реальностью и искаженным ее отражением в верованиях и идеологиях»¹⁴. Этот список можно было бы продолжить, но мне хотелось бы обратить особое внимание на подход Хабермаса, который стремится к некоторому средневековому варианту понимания идей Марсилия.

Если в современной континентальной философии Марсилия, в первую очередь, рассматривают как мыслителя, внесшего большой вклад именно в теорию государства, его возникновения и функционирования, то Хабермас выбирает иную исходную точку. Последняя во многом продиктована общей постановкой проблемы в его работе по истории философии: показать, как на Западе менялись отношения между знанием и верой. Под этим углом зрения проблема церковного устройства и бедности играет для Хабермаса ничуть не меньшую роль, чем представление о роли народа в государстве. Поэтому он и отмечает, что

с исторической точки зрения своему влиянию Марсилиус обязан не столько обращенному скорее в прошлое проекту обновления империи, сколько идее церковного Собора, посредством которого *communitas fidelium* и выбранный ею орган должны были стать высшим внутрицерковным авторитетом¹⁵.

Марсилиус Падуанский придает большое значение именно вписанности церкви, которая для него вполне земная организация, в правовые и политические структуры государства. При спорах внутри церкви, которые не удается решить на уровне «Собора всех христиан», последнее слово остается за государством. Отсюда Хабермас делает вывод о том, что из этой концепции церкви, не обладающей уже силой в правовом поле, «вытекают либеральные принципы, полностью выпадающие

¹⁴ Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия). Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020. С. 485.

¹⁵ *Habermas J. Auch eine Geschichte der Philosophie. Bd. 1. S. 865.*

из времени»¹⁶. Их он усматривает в положении о том, что нельзя принуждать людей к вере и соблюдению церковных ритуалов и предписаний: как уже было отмечено, грешников накажет Христос, в потустороннем мире, а к земной жизни этот вопрос не имеет никакого отношения. Отсюда вытекают следствия не только для церковной жизни, но и для занятия должностей, например в учебных заведениях.

Хабермас обращает внимание на то, что прочтение Аристотеля у Марсилия существенно отличается от прочтения его современниками. Конечно, то, что Марсилиус исходит из произведений Аристотеля, прежде всего из «Политики», вполне остается в рамках средневековой традиции. Однако, в отличие от современников, он не считает себя интерпретатором текста и не ставит своей целью вписать политическую теорию в христианскую философию:

Он, напротив, непредвзятым секулярным взглядом, без теологической оглядки, свойственной его философским коллегам, обращается к наброску политического порядка, конституированного правовым образом, который в городах Верхней Италии явно отличается от феодальных общественных структур империи¹⁷.

Иными словами, даже в рамках спора о бедности как христианском идеале Марсилиус, в отличие от Оккама, интересуется не столько вопрос о власти папы, сколько разумное общественное устройство. Здесь следует учитывать, что, несмотря на ссылки на Аристотеля, Марсилиус не разделяет его позицию. С одной стороны, он осознает, что понятие политического у Аристотеля соответствовало реалиям античного, а не современного мира. Марсилиус считает, что появление Христа не начало новой земной эры, а в первую очередь появление новой, христианской религии, существующей наряду с другими. Со временем эта религия принимает институциональный образ церкви, претендующей на выполнение миссионерских задач и на всеобщую значимость. Следовательно, институт церкви нужно

¹⁶ *Habermas J.* Auch eine Geschichte der Philosophie. Bd. 1. S. 867.

¹⁷ *Ibid.* S. 868.

встраивать в политическое сообщество, существующее на правовой основе, и подчинить его политическому сообществу. Согласно Хабермасу, «с этой секулярной точки зрения Марсилиий, который был знаком с формальными правовыми понятиями канонистов и цивилистов, понимает формальное право как естественную среду регулирования отношения между государством и церковью»¹⁸.

Понимание права и закона, а также различие человеческих законов, связанных с средствами принуждения, и законов божественных, по мнению Хабермаса, у Марсилиия носит волюнтаристский характер. Из него вытекают три последствия: во-первых, позитивность права (законы, установленные людьми, могут ими же быть отменены), во-вторых, обязательность закона, который должен соблюдаться всеми членами общества, и, в-третьих, разделение права и морали, которое напоминает кантовское понятие легальности¹⁹. Поскольку закон основан на человеческом авторитете и уме (а человек может ошибаться), это может привести к легальному бесправию. Вместе с тем, право связывает и правителя, и здесь для Марсилиия возникает вопрос о легитимности установленного права. Сюда, оказывается, включен и вопрос, как можно добиться того, чтобы правитель не издавал «неправильные» законы, если все право претендует только на позитивное действие.

Именно в этом месте Марсилиий выступает против традиционной фигуры правителя, который в одних руках объединяет полномочия на издание, применение и осуществление законов. Конечно, такой правитель должен быть морально безупречен, а его подданные тоже обладают свободной волей. Тогда встает вопрос о «правильном» законе (как мы уже отметили, Марсилиий проводит различие между человеческим и евангельским законом). В этой связи Хабермас подчеркивает «радикальность далеко опережающего мышления» Марсилиия, согласно которому «человеческая свобода удовлетворяется тем, что Бог уполномочил человека закрыть пробел в легитимации правового позитивизма в силу собственного разума и без опеки трансцендентной

¹⁸ *Habermas J.* Auch eine Geschichte der Philosophie. Bd. 1. S. 868.

¹⁹ *Ibid.* S. 869.

силы²⁰. Пробел в легитимации посредством позитивистского понятия права, отмечает Хабермас, возникает тогда, когда нельзя сослаться на метасоциальную легитимацию посредством божественного естественного права. Для Марсилия отсюда возникает вопрос о законодателе, «вынужденном разрешить этот парадокс, исходя из свободной воли устанавливать позитивное право, которое может быть признано легитимным. Этот вопрос явно возникает лишь в современных условиях секуляризированной государственной власти»²¹.

Хабермас обращает внимание на то, что при отделении позитивного права от евангельского закона и божественной любви фигура «добротного правителя» становится устаревшей, а политическое господство должно осуществляться на правовой основе. Для этого требуется

понятийное разделение юридической власти на два аспекта – создание «полезных и справедливых законов», с одной стороны, и исполнительное и судейское применение, с другой. Эта понятийная операция объясняет современные черты политического учения Марсилия. Только после аналитически осуществленного «разделения властей» на понятия законодательной и исполнительной власти может быть названа многоголосая, сама недееспособная, но формирующая мнение и волю совокупность лиц, которая привязывает правительство к законам и уполномочивает его коллективно действовать от их имени²².

Иными словами, Хабермас полагает, что Марсилий, говоря о «законе» в единственном числе, имеет в виду нечто наподобие Конституции.

Упомянув о полномочиях совокупности граждан устанавливать законы, Хабермас усматривает в них «протодемократические» элементы. В этой концепции «объединяется представление о формировании коллективного мнения и воли совокупности граждан с представлениями о легитимирующей процедуре

²⁰ Habermas J. Auch eine Geschichte der Philosophie. Bd. 1. S. 869–870.

²¹ Ibid. S. 870.

²² Ibid. S. 871.

принятия решений и с полномочием правительства, привязанного к закону и сменяемого, представляющего всех граждан»²³. Для принятия решений и формирования воли напрашивается правило большинства, однако Хабермас обращает внимание на то, что в политических собраниях того времени не все граждане выступали в вольном порядке, но в зависимости от сословной принадлежности. Тем не менее и в этом варианте Марсилией говорит о представительстве народа, что не вписывается во властные отношения того времени. Ведь власть легитимируется в таком случае не божественным авторитетом, а передается снизу вверх, чтобы правящие действовали в интересах управляемых. В таком случае единственное качество, которым должен обладать властитель, – это легитимация народа. Он может обладать знанием и добродетелей, но в первую очередь он должен получить свои властные полномочия от совокупности граждан. Эту идею представительства Марсилией, по мнению Хабермаса, переносит и на сам законодательный процесс.

Опасность неверного истолкования концепции Марсилией или недооценки ее инновационного потенциала одинаково велика. Политика в понимании Марсилией кажется очень современной потому, что рассматривается проблема легитимации,

которая, однако, вытекает из выделения обязательного и позитивного права из иерархии законов. Эта проблема возникает в ходе придания осуществлению политической власти правового характера, с задачей конструировать политическую конституцию *исключительно* в понятиях позитивного права. Марсилией выводит легитимность законов, связывающих власти исполнительного и судебного правоприменения, из разумного формирования воли совокупности граждан, так что все, кто подчинен господству обязательного права, становятся его авторами²⁴.

Может показаться, что сказанного выше достаточно для того, чтобы увидеть у Марсилией конструкцию демократического правового государства. Однако, как отмечает Хабермас, из аргументов Марсилией вытекает лишь понятие церковного Собора.

²³ *Habermas J.* Auch eine Geschichte der Philosophie. Bd. 1. S. 872.

²⁴ *Ibid.* S. 875.

Концепция правового государства, в свою очередь, требует еще четырех существенных предпосылок в мышлении, на тот момент времени отсутствовавших. Первая из них, несмотря на секулярный характер учения Марсилия, – осознанный методический отказ от теологического фона. Второй момент заключается в том, что государство для Марсилия состоит из групп и сословий, а не индивидов, которые были бы равноправными носителями субъективных прав. Кроме того, у Марсилия нет представления о современном государстве с сопутствующим ему понятием абстрактной власти. Он не отказывается от идеи универсальности церкви, хотя и делает акцент на том, что церковь должна отказаться от власти в государственной и правовой области²⁵.

Таким образом, хабермасовское прочтение произведения Марсилия Падуанского «*Defensor pacis*» объясняет те моменты, которые обычно принимают как должное. У Марсилия не было понятия государства, особенно в современном понимании. Тем не менее именно последнее часто накладывают на его учение (а ведь он в основном исходил из понятия города или королевства), что приводит к искаженным трактовкам. С другой стороны, когда речь идет о средневековой философии, мы очень часто не находим в перечне ее представителей имя Марсилия Падуанского, так как он выпадает из схоластической философии в узком смысле слова. Однако, как справедливо указывает К. Флаш, «нельзя понимать философию 14 века, если игнорировать Марсилия и перечислить его лишь как представителя аверроизма»²⁶. Ведь тогда не было христианского ордена, который бы лоббировал его учение. Поэтому, когда мы говорим о средневековой философии, мы должны вспомнить, что в ряду великих религиозных философов того времени стоит и первый «секулярный» философ Марсилиус Падуанский.

²⁵ *Habermas J.* Auch eine Geschichte der Philosophie. Bd. 1. S. 875–876.

²⁶ *Flasch K.* Das philosophische Denken im Mittelalter. Von Augustin zu Machiavelli. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2001. S. 538.

Список литературы

- Марсилий Падуанский*. Защитник мира. *Defensor pacis* / Пер. с франц. Б.У. Есенова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2016. 656 с.
- Сорокин П.А.* Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова и В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020. 912 с.
- Flasch K.* Das philosophische Denken im Mittelalter. Von Augustin zu Machiavelli. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2001. 720 S.
- Gewirth A.* Marsilius of Padua: The Defender of Peace. Vol. 1: Marsilius of Padua and the Medieval Political Philosophy. New York: Columbia University Press, 1951. 342 p.
- Habermas J.* Auch eine Geschichte der Philosophie. Bd. 1. Berlin: Suhrkamp, 2019. 920 S.
- Kielmansegg P.* Volkssouveränität. Eine Untersuchung der Bedingungen demokratischer Legitimität. Stuttgart: Klett, 1977. 317 S.
- Kölmel W.* Regimen Christianum; Weg und Ergebnisse des Gewaltverhältnisses und des Gewaltverständnisses (8. bis 14. Jahrhundert). Berlin: De Gruyter, 1970. 661 S.

Modern Approaches to “Defensor Pacis” by Marsilius of Padua

Dagmar W.H. Mironowa

PhD in Philosophy, Associate Professor. Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: dagmar@mail.ru

Abstract. The paper explores different approaches to political philosophy of the medieval philosopher Marsilius of Padua in his main work *Defensor pacis*. It examines his basic ideas about the emergence of society, forms of government, the role of secular and religious law in the life of society, and the relationship between church and state. It also shows the significance of these ideas for modern political philosophy and explores various readings of his thought, as a heresy, as an out-of-its-time modern outlook, as liberal thinking, and as a typical representation of medieval scholasticism. The paper also explores a reading of *Defensor pacis* offered

in the fundamental historical and philosophical book of J. Habermas *Auch eine Geschichte der Philosophie* which sets the accents in a new way.

Keywords: Marsilius of Padua, “Defensor pacis”, law, state, separation of powers, church, citizens, J. Habermas

For citation: Mironowa, D.W.H. “Sovremenniye prochteniya “Defensor pacis” Marsiliya Paduanskogo” [Modern Approaches to “Defensor Pacis” by Marsilius of Padua], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 90–108. (In Russian)

References

- Flasch, K. *Das philosophische Denken im Mittelalter. Von Augustin zu Machiavelli*. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2001. 720 pp.
- Gewirth, A. Marsilius of Padua and the Medieval Political Philosophy, *Marsilius of Padua: The Defender of Peace*, Vol. 1. New York: Columbia University Press, 1951. 342 pp.
- Habermas, J. *Auch eine Geschichte der Philosophie*. Bd. 1. Berlin: Suhrkamp, 2019. 920 S.
- Kielmansegg, P. *Volkssouveränität. Eine Untersuchung der Bedingungen demokratischer Legitimität*. Stuttgart: Klett, 1977. 317 S.
- Kölmel, W. *Regimen Christianum; Weg und Ergebnisse des Gewaltverhältnisses und des Gewaltverständnisses (8. bis 14. Jahrhundert)*. Berlin: De Gruyter, 1970. 661 S.
- Marsilii Paduanskii. *Zashchitnik mira. Defensor pacis* [The Defender of Peace], trans. by B.U. Esenov. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya “Dashkov i Ko” Publ., 2016. 656 pp. (In Russian)
- Sorokin, P.A. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii (vkluychaya pervuyu chetvert' XX stoletiya)* [Contemporary Sociological Theories (including the first quarter of the XX century)], trans. and ed. by A.K. Konyukhov and V.V. Sapov. Syktyvkar: OOO “Anbur” Publ., 2020. 912 pp. (In Russian)